

ИЗ ИСТОРИИ ФИЗИКИ

Нильс Бор и Петр Леонидович Капица¹

П.Е. Рубинин

PACS number: 01.65.+g

Капица познакомился с Нильсом Бором летом 1923 г., когда Бор приезжал в Кембридж по случаю присуждения ему степени почетного доктора наук. "...После разговора с Бором чувствуешь себя таким дураком", — писал Капица Николаю Николаевичу Семенову в Петроград 6 августа 1923 г. ([1], с. 86). Завершался второй год его работы в Кембридже. А вот как запомнился Бору их первый разговор. "Ваш энтузиазм, — писал он Капице 27 января 1937 г., — и Ваше творческое воображение произвели на меня огромное впечатление в тот день, когда мы впервые встретились в Кавендишской лаборатории 15 лет тому назад и когда Вы поделились со мной своими новыми замыслами и планами по созданию сверхсильных магнитных полей" [2].

Первое письмо Бору Капица написал десять лет спустя после их первой встречи. Но это был совсем уже другой Капица. Он стал к тому времени "европейским" ученым, как тогда говорили: член Тринити-колледжа, член Лондонского Королевского общества, член-корреспондент Академии наук СССР, директор Мондовской лаборатории в Кембридже... И писал Капица Бору, чтобы попросить его быть судьей в споре, вспыхнувшем как раз по случаю торжественного открытия в Кембридже этой новой лаборатории.

В знак признательности Учителю, который поддерживал его работы с сильными магнитными полями, Капица установил в вестибюле Мондовской лаборатории барельеф Резерфорда, выполненный по его заказу Эриком Гиллом, одним из ведущих скульпторов современной школы Англии. Консервативно настроенные профессора нашли, что портрет на Резерфорда не похож — и это для него "оскорбительно". Они потребовали удаления портрета ([3], с. 265).

Свое письмо к Бору Капица завершал следующими словами:

"...Резерфорд в разговоре со мной сказал, что он не разбирается в искусстве и даже не в состоянии судить о сходстве, хотя находит, что нос в изображении слишком выдается и скорее напоминает ассирийский. Во всяком случае, он не видит ничего оскорбительного в портрете и

посоветовал мне: "Вы лучше напишите Бору и спросите его мнение, он хорошо меня знает и к тому же интересуется современным искусством; интересно знать, что он думает" ([3], с. 265–266).

10 марта 1933 г. Капица пишет Бору и вкладывает в конверт фотографию барельефа. И уже 15 марта Бор ему отвечает: "... Барельеф Резерфорда кажется мне превосходным, поскольку это глубокое и вместе с тем сильное произведение. Поэтому я никоим образом не поддерживаю критику портрета, и если Резерфорд против него не возражает, а Вам он нравится, то я думаю, что цель достигнута. Я надеюсь, что он останется на своем месте многие годы свидетелем хорошей работы, которая, как мы все знаем, будет проводиться в Вашей новой лаборатории" ([3], с. 266).

В благодарность за спасение портрета Резерфорда Капица заказывает скульптору точную копию барельефа — для Бора. Отправлен он был Бору уже тогда, когда Капица в Кембридже не работал, когда все начинал с нуля в Москве, в Институте физических проблем.

2 июля 1936 г. Бор пишет ему в Москву: "Дорогой Капица, Вы, конечно, понимаете, что мое долгое молчание не означает, что я не думаю часто о Вас, и я надеюсь, что у Вас сейчас хорошие условия для работы и что скоро мы услышим о Вашем новом большом достижении. О Вашей дружбе и о нашей общей любви к Резерфорду по многу раз на дню мне напоминает барельеф, который Вы подарили мне с таким добрым чувством" ([3], с. 270).

20 октября 1936 г. Капица ответил Бору большим, очень теплым и доверительным письмом, в котором рассказал о положении ученых в СССР и о трудностях, с которыми он столкнулся, создавая в Москве свой институт.

"Я понимаю, — писал Капица, — какая на мне лежит ответственность, особенно потому, что у меня есть опыт, приобретенный мною в Кембридже. Я думаю, что наряду с возобновлением моей научной работы я должен попытаться так организовать работу своего института, чтобы показать здесь людям все здоровые и сильные стороны работы Кавендишской лаборатории.

П.Е. Рубинин. Институт физических проблем им. П.Л. Капицы РАН, 117973 Москва, Воробьевское шоссе 2, Россия
Тел. (095) 137-32-30
E-mail: rubinin@kapitza.ras.ru

Статья поступила 18 ноября 1996 г.

¹ В основу статьи положен доклад на семинаре "Памяти Нильса Бора (к 110-летию со дня рождения)", прошедшего в рамках Международного научного симпозиума "Наука и общество: История советского атомного проекта" (Дубна, 14–18 мая 1996 г.).

Портрет Э. Резерфорда, учителя Н. Бора и П.Л. Капицы. Работа английского скульптора Э. Гилла. 1933 г.

Насколько это в моих силах, я постараюсь следовать резерфордовским методам.

Я не вполне уверен, будет ли Вам интересно все то, о чем я Вам рассказываю, но поскольку мы оба с Вами ученики Резерфорда и любим его, мне казалось, что эти мысли могут Вас заинтересовать" ([4], с. 104).

"Общая любовь к Резерфорду" — это и было то главное, что сближало Бора и Капицу.

Когда в конце октября 1937 г. умер Резерфорд, самое горестное, самое взволнованное письмо Капица написал Бору. "Я любил Резерфорда, — писал Петр Леонидович 7 ноября, — и я пишу Вам, потому что знаю, как Вы относились к нему. И когда он говорил о Вас, мне всегда казалось, что из всех своих учеников он любил Вас больше всего. По правде говоря, я всегда немного завидовал Вам..." ([3], с. 273; [5], с. 310).

Итак, любовь к Учителю — вот первое, что связывало Капицу и Бора.

* * *

"Еще один вопрос связывал нас с Бором, — сказал Петр Леонидович, получая диплом иностранного члена Датской академии в июле 1946 г. — Это вопрос о необходимости поддержания интернационализма в науке".

И он продолжал:

"Современные достижения науки являются результатом сотрудничества ученых ряда стран. (...) Сейчас, в связи с колоссальными новыми возможностями, которые для человечества открыла атомная энергия, идея этого интернационального сотрудничества науки подвигается большим опасностям. Если решение основных

проблем ядерной физики не станет сейчас предметом международной разработки, а силы будут раздроблены для попыток решения этих проблем каждой страной в отдельности, то изучение этих важных явлений природы, несомненно, задержится и это будет тем более печально, что центр тяжести проблемы лежит, несомненно, не в военном применении новых открытий, а в той необычайной мощи новых энергетических источников, которые обещает предоставить человечеству атомная энергия и которые, как можно ожидать, со временем совершенно изменят весь облик нашей культуры. Те опасности, которым подверглось развитие науки в этом направлении, несомненно, самым губительным образом могут сказаться на ходе развития науки и прогресса".

"За последнее время, — сказал Петр Леонидович далее, — мне приходилось обмениваться мнениями по этому поводу с Бором. Наши точки зрения совпадают в том отношении, что ученые должны выступить с протестом против засекречивания работ в этом направлении и против всяческих попыток превращения одного из самых замечательных научных достижений в игрушку узко империалистических устремлений или агрессивных замыслов отдельных стран" [2].

Прежде чем рассказать об упомянутом Капицей обмене мнениями с Бором, напомним об эпизоде, без рассказа о котором не обходится ныне, насколько я знаю, ни одна книга о жизни Нильса Бора. Речь идет о письме, которое послал Бору Капица в октябре 1943 г., когда узнал, что тому удалось бежать вместе с семьей из оккупированной немцами Дании.

Как только Капица узнал, что Бор бежал, он в тот же день, 14 октября 1943 г., пишет первому заместителю председателя СНК, наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову:

"Сегодня я узнал, что датский физик Niels Bohr бежал в Швецию. Бор (...) — крупнейший ученый, основоположник современного учения об атоме, нобелевский лауреат, почетный член ряда академий, в том числе и нашей (...). Бор хорошо относится к Советскому Союзу, был у нас раза три, читал лекции и пр. Я его близко знаю и считаю его большим ученым и хорошим человеком.

Я думаю, что было бы очень хорошо и правильно, если бы мы ему и его семье предложили гостеприимство на время войны у нас в Союзе. Если даже он не сможет воспользоваться нашим предложением, то все же это следует сделать. Если Вы считаете все это правильным, то либо Акад. наук (...), либо, просто менее официально, я могу ему написать приглашение..." ([4], с. 206).

Помню, как изумлен был профессор Дэвид Шёнберг, ученик Капицы еще кембриджских времен, с которым мы работали над английским изданием писем П.Л. [5], когда весной 1989 г. я показал ему это письмо. Он, как и очень многие на Западе, — включая и Черчилля! — был убежден, что Капица в 1943 году пытался заманить Бора в СССР, чтобы выведать у него секреты атомной бомбы. Письмо Капицы Молотову перечеркивало эти подозрения. Чисто *человеческая* забота о друге, потерявшем любимую родину, двигала Капицей, как видим...

Две недели спустя, узнав, что ему разрешено направить Бору приглашение, Капица пишет Молотову: "Мне очень приятно, что Вы так доброжелательно относитесь к возможности разрешить нам оказать внимание такому крупному ученому, хорошо относящемуся к Советскому Союзу, как Бор. Большое Вам спасибо за это".

Одновременно Капица направляет Молотову текст своего письма Бору. "Если это письмо подходящее, — пишет он, — я буду очень благодарен, если Вы найдете возможным переслать его через Ваш аппарат, а также дать распоряжение, чтобы Бору была предоставлена возможность ответить мне таким же путем" ([4], с. 207).

Все было сделано так, как просил Капица. Вот почему Бор получил письмо своего советского друга в *посольстве СССР* в Лондоне. И случилось это в апреле 1944 г. — после возвращения Бора из поездки в США, где он был ознакомлен с работой над атомной бомбой!..

Приведу лишь заключительную фразу этого письма, которое уже неоднократно публиковалось:

"Когда я думаю о Вас, — писал Капица, — я всегда вспоминаю Резерфорда. Мы оба с Вами очень любили его, и это чувство крепко связывает нас. Я был бы в высшей степени рад помочь Вам в любом отношении" ([4], с. 209; [5], с. 355).

Письмо Капицы Бор получил в те дни, когда он ждал очень важной для него встречи с Черчиллем, которого хотел убедить в том, что создание атомной бомбы втайне от России, союзника в войне с гитлеровской Германией, который несет основную тяжесть войны, таит в себе страшную опасность для будущего мира. "Никакая реальная безопасность не может быть достигнута без всеобщего соглашения, основанного на взаимном доверии", — писал он в апреле из Америки одному из ближайших сотрудников Черчилля ([6], с. 347).

Интересно, что письмо Капицы даже Бору не показало совершенно *бескорыстным*. В "памятной записке" от 3 июля 1944 г., направленной им Рузвельту, он писал: "... О том, что в Советском Союзе к этому проекту проявляется интерес, свидетельствует письмо, полученное мною от выдающегося русского физика, с которым я поддерживал дружбу в течение его многолетнего пребывания в Англии... Это письмо содержало официальное приглашение приехать в Москву, чтобы присоединиться к русским коллегам в их исследовательской работе... Там не было указаний на специальные вопросы, но на основании предвоенных работ русских физиков естественно предположить, что ядерные проблемы окажутся в центре их интересов" [7].

Свое ответное письмо Капице, отправленное через советское посольство в Лондоне, Бор должен был согласовать с британской секретной службой...

Его встреча с Черчиллем, как известно, закончилась провалом. Предложение Бора было отвергнуто и во время встречи Черчилля и Рузвельта в Гайд-Парке 19 сентября 1944 г. В протоколе этой встречи было записано:

1. Предложение проинформировать мир относительно проекта Тьюб Эллойз с целью заключить соглашение об интернациональном контроле... не принято. Весь вопрос следует и впредь рассматривать как предельно секретный...

3. Нужно провести расследование деятельности профессора Бора и предпринять шаги, гарантирующие уверенность, что он не несет ответственности за утечку информации — в особенности к русским" ([6], с. 447).

Когда о переписке Бора с Капицей узнал Черчилль, он пришел в ярость. "... Русский профессор побуждал его приехать в Россию для обсуждения предмета, — пишет он своему научному советнику лорду Черуэллу 20 сентября 1944 г. — Что все это значит? Мне кажется,

Бора следовало бы заключить в тюрьму или, в любом случае, предупредить, что он находится на грани преступления, караемого смертной казнью" ([6], с. 358).

О конфликте Бора с Черчиллем, о драматической истории его "дипломатических" переговоров в Лондоне и Вашингтоне, в которых такую странную роль сыграло *гуманитарное* письмо Капицы, автор этого письма узнал много лет спустя, ознакомившись с книгой Маргарет Гоунг "Британия и атомная энергия" [6] и рукописью статьи о годах войны, которую сын Бора — Оге — написал для сборника статей о Нильсе Боре его друзей и коллег (эта книга была опубликована в 1967 г. [8]). Рукопись своей статьи Оге Бор передал Капице в мае 1965 г., когда П.Л. приехал в Копенгаген, где король Дании вручил ему Золотую медаль имени Нильса Бора.

26 августа 1965 г. Капица пишет Оге: "Ваш отец понимал, что секретность в атомной науке не только бесполезна, но и вредна. Его предвидение оказалось совершенно верным. Столкновение между его взглядами и узко эгоистической позицией Черчилля является замечательной иллюстрацией того, как совершаются в истории политические ошибки. Упорство и энергия, с которыми Ваш отец отстаивал свои взгляды, заслуживает самой высокой похвалы. Надо, чтобы эту историю знали. Не только потому, что она представляет собой самый интересный эпизод в общественной деятельности Вашего отца, но и потому также, что будущим поколениям очень поучительно знать, насколько необходимо поддерживать интернационализм в науке" [2].

* * *

Теперь об "обмене мнениями" с Бором, о котором Капица упомянул в июле 1946 г., получая диплом иностранного члена Датской академии.

Начнем с того страшного дня, когда над японским городом Хиросимой американцы взорвали свою первую атомную бомбу. Человек, который видел Капицу 6 августа 1945 года, рассказал мне, что Петр Леонидович был этой новостью *убит*. Он никогда раньше не видел его таким подавленным, таким потрясенным...

Я спросил Анну Алексеевну, так ли было дело. Она сказала, что Петра Леонидовича в тот день мучил вопрос: зачем, с какой целью это было сделано?

Беда была в том, я думаю, что он, как и очень многие в нашей стране, догадывался, для чего наши западные союзники сбросили атомную бомбу на почти поверженную Японию. Они запугивают нас, своих *союзников* — вот какая мысль мучила тогда Капицу, одного из самых "западных" людей в нашей стране. Запугивают бомбой, которую сделали втайне от нас...

Его тогдашнее настроение позволяет предположить, что ничего зорного в "прикрытии" своим именем разведывательной миссии в Копенгаген Я.П. Терлецкого, его так называемого "допроса Бора", о котором столько писалось в последние годы, он не видел. Напомним также, что Капица был тогда одним из руководителей советского атомного проекта: 20 августа 1945 г. Сталин подписал постановление об образовании при Государственном комитете обороны Специального комитета, которому поручалось "руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана" ([9], с. XV). В Комитете было всего два ученых (из 9 членов): И.В. Курчатов и П.Л. Капица. Председателем Комитета был назначен Л.П. Берия.

20 октября Нильс Бор получает от Капицы довольно странную телеграмму: два месяца спустя после возвращения Бора в родной Копенгаген Капица поздравляет его "с благополучным воссоединением с семьей в свободной Дании" [2].

Бор будто только и ждал этой телеграммы. Уже на следующий день, 21 октября, он отправляет (по-видимому, через наше посольство в Дании) взволнованное письмо Капице, в котором делится своей тревогой, своими мыслями.

"Нет необходимости говорить, что в связи с огромными возможностями, которые несет в себе развитие ядерной физики, я постоянно возвращаюсь в мыслях к Резерфорду, — пишет он. — Как все его друзья, я с горечью думаю о том, что ему не удалось самому увидеть плоды своих великих открытий. В усилиях, направленных на то, чтобы избежать новых опасностей для цивилизации, в стремлении направить на общее благо человечества это великое достижение нам очень будет не хватать его мудрости и его авторитета" ([4a], с. 237).

Вместе с письмом Бор посылает Капице свою статью "Наука и цивилизация", опубликованную в газете "Таймс" 11 августа 1945 г., и копию статьи "Вызов цивилизации", которую он направил в американский журнал "Сайенс". Он просит показать эти статьи общим друзьям. И добавляет: "Нет необходимости говорить, что мне было бы очень интересно узнать, что Вы об этом думаете. Ведь дело это первостепенной важности и оно возлагает на все наше поколение огромную ответственность" ([4], с. 237).

Не исключено, что уже 21 октября сообщение о том, что в посольство СССР в Копенгагене поступило письмо Бора на имя Капицы, шифрованной телеграммой было направлено в Москву Л.П. Берии. Во всяком случае, 22 октября Капица, будто общаясь с Бором *телепатически*, пишет ему письмо, в котором та же тревога, те же мысли.

"В настоящее время я много раздумываю над проблемами международного сотрудничества работников науки, которое совершенно необходимо для здорового развития культуры во всем мире, — пишет он. — Последние открытия в области ядерной физики — я имею в виду знаменитую атомную бомбу — показали еще раз, как мне кажется, что наука не является более "развлечением" университетской профессуры, а стала одним из тех факторов, которые могут повлиять на мировую политику. В наши дни существует опасность, что научные открытия, содержащиеся в секрете, могут послужить не всему человечеству, а могут быть использованы в эгоистических интересах отдельных политических и национальных группировок..."

В заключительной части письма Капица пишет: "Мне было бы очень приятно узнать от Вас об общей позиции ведущих зарубежных ученых к этим вопросам. Ваши предложения о возможности обсудить эти проблемы я буду горячо приветствовать. Я могу информировать Вас о том, что может быть сделано в этом направлении в России..." ([4], с. 236; [5], с. 371).

И далее следовал абзац, который при первой публикации письма в книге П.Л. Капицы "Письма о науке" был опущен. Без всякого "злого" умысла, кстати. Потому что в 1989 г., когда была опубликована эта книга, ее составитель и автор этих строк ничего о работе физика Я.П. Терлецкого в разведывательном отделе НКВД не знал.

"Это письмо, — писал Капица, — передаст Вам молодой русский физик Терлецкий. Это молодой и способный профессор МГУ, и он объяснит Вам сам цели своей поездки за границу. С ним Вы сможете передать мне Ваш ответ..." [2].

Теперь представим себе время, когда писалось это письмо. Участие Капицы в работе Спецкомитета было, несомненно, связано с особой степенью секретности. (Не этим ли, кстати, объясняется странное его "молчание" в день 60-летия Бора — 7 октября 1945 г.?) Всякое общение с иностранцами — запрещено! Никаких связей! Ни под каким видом!.. Получив задание от Берии обеспечить Терлецкому "подход" к Бору, Капица использует эту "возможность", чтобы направить Бору очень важное письмо. Предварительно, как мы уже говорили, он посылает ему весьма странную телеграмму. Но и Бору был очень нужен *контакт* с Капицей. Вот почему он так тогда обрадовался той странной телеграмме и тут же отправил Капице большое и очень важное письмо.

Два очень крупных человека с тоской наблюдают за тем, как медленно и неумолимо начинает опускаться "железный занавес". Они пытаются этот занавес остановить...

22 октября 1945 г. в Институт физических проблем за своим "рекомендательным" письмом приходит Терлецкий.

"Петр Леонидович принял меня сперва наедине, — вспоминает он. — Посоветовал задавать Бору не очень много вопросов, а просто представиться, передать письмо и подарки от Капицы, рассказать о советских физиках, и Бор сам расскажет о многом, что нас интересует. Пока готовилось письмо на английском языке, Капица пригласил Ландау. Капице принесли перепечатанное письмо и две палехские шкатулки. В присутствии Ландау Капица вручил мне их, объяснив, что я еду к Бору в Копенгаген..." ([10], с. 28).

И далее Терлецкий недоумевает и возмущается: зачем Капице "понадобилось информировать Ландау" о его поездке? "Ведь Капица, очевидно, был предупрежден о назначении моей деликатной миссии, — пишет Терлецкий. — Крайне же нежелательное расширение круга лиц, знающих об этом, не могло не показаться преднамеренным".

Оно и было, конечно, *преднамеренным* — это приглашение Ландау на "конспиративную встречу" с Терleckим. И пошел на это Петр Леонидович потому, я думаю, что ему и хотелось лишить эту встречу отвратительного ему налета конспиративности и шпионства. И ему очень хотелось порадовать Бора. Он знал, что Бору будет приятно услышать от Терлецкого, что тот перед отъездом из Москвы видел Ландау — живого и здорового.

Потому что Ландау — это еще одно звено, которое связывало Капицу и Бора. Один из самых блестящих учеников Бора, он в марте 1937 г. возглавил теоретический отдел в Институте физических проблем. В апреле 1938 г. он был арестован. И тогда в защиту его выступил не только Капица, который и добился в конце концов его освобождения, но и Бор, который написал Сталину большое письмо о Ландау ([11], с. 344).

Завершая тему "допроса Бора", хотел бы дать свою версию ответа на вопрос, который задает в своей очень интересной статье проф. Дэвид Холлуэй: почему Бор вообще согласился отвечать на вопросы Терлецкого? "Он мог бы вежливо сказать Терлецкому, что не может говорить о подобных вещах", — вполне резонно замечает Холлуэй ([12], с. 254).

Думаю, что участие в этой "операции" Капицы (а может быть, и невольное участие в ней Ландау?) сыграло в данном случае решающую роль. Вспомним, как описывает первые минуты своей встречи с Бором Терлецкий: "...Мы передали Бору письмо и подарки Капицы. Прочитав письмо, Бор стал расспрашивать о семье Петра Леонидовича и о положении Ландау. Когда я сказал, что Ландау успешно работает в лаборатории Капицы, и тем самым рассеял подозрения о преследовании Ландау в СССР, оставшиеся,

Во время встречи Нильса Бора с физиками в Институте физических проблем в мае 1961 г. Слева направо: И.Е. Тамм, Е.С. Ицкевич, И.М. Лифшиц, ?, В.А. Фок, Л.А. Вайнштейн, Н. Бор, Л.Д. Ландау, П.Л. Капица. (Фото С.В. Петрова.)

очевидно, со времен годовичного тюремного заключения Ландау в 1938 году, Бор оживился и начал расхваливать Ландау как наиболее талантливого молодого теоретика, который работал у него. К восхвалению Ландау Бор возвращался и позже, всякий раз, когда это было кстати. Создавалось даже впечатление, что основным из того, что он хотел сообщить советским ученым, было именно его мнение о достоинствах Ландау" ([10], с. 37).

Вспомним теперь, что Бор еще в июле 1944 г. о вполне, как мы знаем, бескорыстном письме Капицы от 28 октября 1943 г. писал Рузвельту как об "официальном приглашении присоединиться к русским коллегам в их исследовательской работе". "Ядерные проблемы, — писал он, — окажутся в центре их интересов" [7]. То есть уже тогда он был убежден, что Капица является одним из руководителей советского атомного проекта — кто иной мог бы послать ему, Бору, официальное, по существу, приглашение по дипломатическим каналам? Я убежден, что в октябре–ноябре 1945 г. у Бора, как и у многих западных физиков, не было никаких сомнений в том, что именно Капица возглавил в СССР работы по созданию атомной бомбы (или был одним из руководителей этих работ). Не случайно же такая солидная американская газета, как "Нью-Йорк таймс", сообщая в апреле 1946 г. об избрании Капицы иностранным членом Национальной академии наук США, писала как о чем-то совершенно очевидном: "Д-р Капица, советский ученый, имя которого особенно часто упоминается в связи с разработкой атомной бомбы в России..." [13].

2 ноября 1945 г. к Бору приходит профессор Могенс Фог, депутат Датского парламента, член коммунистической партии, один из руководителей датского сопротивления. Он сообщает, что в Копенгаген прибыл советский ученый "с письмом от Капицы, которое он хотел передать (Бору), и

иметь с ним конфиденциальный разговор, который должен быть устроен настолько секретно, чтобы информацию о нем не смогли бы получить секретные службы". (Из памятной записки, продиктованной в те дни Бором своему сыну Эрнесту; цитируется по статье Д. Холлуэй, [12], с. 245 и прим. 37.) Поражает цинизм этого лобового "подхода" советской разведки к великому датскому физико, не говоря уже о любительском, "показном" характере всей "операции", о чем писал профессиональный разведчик В.Б. Барковский ([14], с. 122).

Совершенно ясно понимая разведывательный характер этого "визита", Бор тем не менее принял Терлецкого и даже ответил на его вопросы. Почему?

Вот моя версия. Содержание письма Капицы, очень близкого по мыслям и настроению к письму Бора, написанному почти в тот же день, находилось в кричащем противоречии с миссией Терлецкого, а "рекомендательный" абзац не содержал важных "кодовых" слов, характеризующих личное отношение Капицы к "подателю письма" ("мой друг", например, или "мой ученик", "ученик Ландау"). На это обратила мое внимание А.А. Капица, которая очень внимательно прочитала это письмо после того, как возник шум вокруг скандальной книги Судоплатова [15].

Капица в этом письме как бы дистанцируется от Терлецкого: "Он объяснит Вам сам цели своей поездки за границу..." Есть в этих словах, на мой взгляд, и намек на то, что рекомендацию свою Терлецкому Капица был вынужден написать. А кто мог заставить его это сделать? Только высшие власти страны. А что делает тоталитарная власть в СССР с теми, кто не выполняет ее заданий или как-то еще ее не удовлетворяет, Бору, нетрудно было представить. Достаточно было только вспомнить о трагическом опыте Ландау.

И вот сейчас Капица (и Ландау!) просят его помочь. Ведь можно было и так истолковать рассказ Терлецкого о том, что он видел Ландау, когда был у Капицы... Как же мог в этой ситуации Бор, если его заботила судьба Капицы и Ландау, указать Терлецкому на дверь?

Бор поступил так, как в подобных случаях с безумной властью поступает умный и порядочный человек — он постарался эту власть *перехитрить*. Он рассказал Терлецкому то, что можно было узнать, внимательно прочитав только что опубликованный в США "отчет Смита" [16]². Ротапринтный экземпляр этого отчета он подарил Терлецкому во время их второй встречи, чем привел того в подлинный восторг. "...Мы были, пожалуй, первыми советскими людьми, увидевшими его", — восклицает Терлецкий, вспоминая давние дни ([10], с. 39).

Обратим также внимание на то, что участие Капицы в "прикрытии" явно разведывательной поездки Терлецкого ни в малейшей степени не отразилось на его дружеских отношениях с Бором. В начале апреля 1946 г. Датская академия наук и искусств избирает Капицу своим иностранным членом, и Бор 12 апреля пишет ему очень теплое письмо, в котором приглашает его приехать вместе с женой в Копенгаген. В постскриптуме к письму он возвращается к предложению Капицы собрать международную конференцию ученых для обсуждения вопросов, возникших в связи с появлением ядерного оружия. Это предложение, как мы знаем, содержалось в том самом письме, которое Терлецкий привез Бору. Ведь Капица сумел использовать Терлецкого в качестве курьера для передачи Бору очень важного послания.

"Что касается организации международной конференции ученых, о которой Вы мне писали, — пишет Бор, — то я убежден, что если Вы и некоторые из Ваших коллег смогли бы принять в ней участие, то многие из наших английских и американских коллег с радостью приветствовали бы встречу с нами здесь, в Копенгагене. И я готов, как только получу Ваш ответ, приступить к подготовке подобной встречи, которая, на мой взгляд, может быть организована в любое удобное для Вас время" [2].

Бор пишет: "встреча с нами..." Это "с нами" скажет очень много внимательному читателю.

Они были "над схваткой" — над схваткой политиков и экономических систем. Они были подлинными гражданами мира, гражданами того общечеловеческого государства, имя которому Культура, Цивилизация, Наука... Судьба этого государства и беспокоила их больше всего.

Четыре месяца спустя после избрания Капицы иностранным членом Датской академии наук и искусств Сталин 17 августа 1946 г. подписывает постановление Совета Министров СССР, которым снимает Капицу со всех его постов и изгоняет из созданного им Института физических проблем. Это была кара за отказ сотрудничать с Берией в изготовлении советской атомной бомбы.

Капица на долгие годы становится опальным академиком и над ним постоянно висит угроза ареста или "несчастного случая"...

* * *

Бор четыре раза представлял Капицу на Нобелевскую премию (1947, 1948, 1956, 1960). В 1956 г. он представил на премию Капицу и Ландау. Ландау он выдвигал на Нобелевскую премию трижды — в 1956, 1960 и в 1962 гг. ([18], с. 326).

Бор успел еще порадоваться сообщению о присуждении Нобелевской премии своему ученику — он скончался 18 ноября 1962 г. Капица получил Нобелевскую премию лишь в 1978 г.

В 1965 г. Датское общество инженеров присудило П.Л. Капице Международную золотую медаль имени Нильса Бора. Выступая 21 декабря 1964 г. на собрании в президиуме Академии наук СССР, когда ему вручали диплом о присуждении этой медали, П.Л. Капица сказал:

"Нам, ученым, очень приятно, когда наши достижения и наши открытия высоко оцениваются за рубежами нашей страны. Это радостно потому, что наука является достоянием народов всего мира. Наши достижения являются достижениями всех народов. Нет достижений науки, которые не принадлежали бы всему человечеству. (...) Если мы говорим, что исследования атома связаны с именами Бора, Резерфорда, с участием Планка, то это значит, что в большом здании науки отдельные кирпичи помечены именами отдельных ученых. И большая гордость для ученого, если в этом здании какие-то кирпичи связаны с его именем. Но если кто-то думает, что в этом большом здании науки можно приобрести себе частные апартаменты, — это глубочайшее заблуждение. Бор принадлежал как раз к тем ученым, которые своим примером поднимали международное значение науки" [2].

Список литературы

1. "Из переписки Н.Н. Семенова с П.Л. Капицей" *Природа* (3–4) 70 (1996)
2. Архив П.Л. Капицы в Институте физических проблем им. П.Л. Капицы РАН
3. "Портрет Резерфорда. Письма из архива П.Л. Капицы. 1933–1937", в кн. Капица П.Л. *Эксперимент. Теория. Практика* (М.: Наука, 1987) с. 264
4. Капица П.Л. *Письма о науке* (М.: Московский рабочий, 1989)
5. Voag J W, Rubinin P E, Shoenberg D (Eds) *Kapitza in Cambridge and Moscow. Life and Letters of a Russian Physicist* (Amsterdam: North-Holland, 1990)
6. Gowing M *Britain and Atomic Energy 1939–1945* (London: Macmillan, 1964)
7. Архив Нильса Бора, Копенгаген
8. Rosental S (Ed.) *Niels Bohr: His Life and Work as Seen by his Friends and Colleagues* (Amsterdam: North-Holland, 1967)
9. *К истории мирного использования атомной энергии в СССР. 1944–1951* (Документы и материалы) (Обнинск: ГНЦ-ФЭИ, 1994)
10. Терлецкий Я П "Операция "Допрос Нильса Бора" *Вопросы истории естествознания и техники* (2) 18 (1994)
11. "Ландау. Бор. Капица. Письма 1936–1941", в кн. *Воспоминания о Л.Д. Ландау* (М.: Наука, 1988)
12. Holloway D "Beria, Bohr and the Question of Atomic Intelligence", in *Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honor of Alexander Dallin* (Eds D Holloway, N Naimark) (Boulde: Westview Press, 1995) p. 237
13. *New York Times* April 25 (1946)
14. Барковский В Б "Зачем "допрашивали" Нильса Бора?" *Вопросы истории, естествознания и техники* (4) 122 (1994)
15. Sudoplatov P, Sudoplatov A, Schechter J L, Schechter L P *Special Tasks: The Memoirs of An Unwanted Witness — A Soviet Spymaster* (Boston: Little, Brown, 1994)
16. Smyth H D *Atomic Energy for Military Purposes* (USGPO, 1945)
17. Смирнов Ю Н "Поездка Я.П. Терлецкого в Копенгаген: документы против версии генерала П.Л. Судоплатова" *Вопросы истории, естествознания и техники* (4) 111 (1994)
18. Røseberg U *Niels Bohr. Leben und Werk eines Atomphysikers* (Stuttgart: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft mbH, 1985)

² Это было отмечено Ю.Н. Смирновым в его комментарии к публикации отчета о "допросе" Нильса Бора, направленного Берией Сталину в декабре 1945 г. ([17], с. 114).